

Сознание Ван Сюя медленно всплывало из бездонного омут глубокого сна.

Последним, что запечатлелось в памяти, были ослепительные и такие закономерные цифры на экране компьютера — 738 баллов. А еще взволнованный, сорвавшийся на визг голос классного руководителя: Ван Сюй! Ты — лучший в провинции! Это точно! Ты — наш лидер по естественным наукам!

Восторг еще не успел захлестнуть его, как перед глазами всё померкло.

Когда он снова открыл глаза, то увидел резной полог кровати в старинном стиле. В воздухе витал незнакомый, приторно-сладкий аромат благовоний. Он пошевелил пальцами и ощутил слабость чужого тела, а также раскалывающуюся от боли голову, словно после тяжелого похмелья.

— Молодой господин! Вы очнулись! — раздался рядом звонкий, дрожащий от слез голос. Девушка в старинном наряде служанки бросилась к кровати, ее глаза покраснели. — Вы были без сознания целые сутки! Вы так напугали эту рабыню!

Переместился?

Огромный поток информации, подобно прорвавшейся плотине, хлынул в его сознание.

Теперь он — Линь Сяо, младший сын в главной ветви семьи Линь из города Цинъюнь. Семья Линь — местные богачи, их состояние сравнимо с казной целого государства. А этот Линь Сяо — бестолковый повеса, терроризировавший всю округу. Вчера из-за ссоры в чайном доме Байхуа с сыном градоначальника он получил легкий толчок от охранника соперника, ударился затылком о ступени и испустил дух, уступив свое тело Ван Сюю.

— Я... в порядке, — Ван Сюй — нет, теперь уже Линь Сяо — открыл рот, голос звучал хрипло. Он быстро взял себя в руки: мощная логика и аналитические способности лучшего выпускника провинции заработали на полную катушку.

Судя по воспоминаниям, это мир, где возможно совершенствование. Здесь правят сила и власть. И семья Линь, при всем своем богатстве, перед лицом настоящих сект совершенствующихся — не более чем чуть упитанные муравьи.

Отец нынешнего тела, господин Линь, прекрасно это понимал. Поэтому он потратил половину состояния и задействовал бесчисленные связи, чтобы выбить для своего непутевого сына шанс пройти вступительный тест в великую секту Тайсюань.

Сегодня был тот самый день.

...

Секта Тайсюань. Величественные горные ворота уходили в самое небо. Среди клубящихся облаков то и дело мелькали вспышки мечей, пропитанные аурой бессмертия.

На площади яблоку негде было упасть: тысячи юношей и девушек со всех уголков страны собрались здесь, их глаза горели жадной прикоснуться к пути бессмертных. Линь Сяо, разодетый в кричащий ярко-синий шелковый халат, выглядел белой вороной среди скромно одетых искателей истины. За ним следовали четверо крепких охранников семьи Линь и та самая служанка. Его помпезность притягивала либо презрительные, либо завистливые взгляды.

— Глянь, еще один никчемный отпрыск, купивший себе путь за деньги.

— Тише ты! Это же молодой господин из семьи Линь в Цинъюне. Говорят, они пожертвовали целую шахту духовных камней ради этого места!

— И что с того, что есть деньги? В совершенствовании важен талант духовных корней! Без них даже с горами золота ты останешься лишь смертным муравьем!

Разговоры отчетливо доносились до Линь Сяо, но он не обращал внимания. В прошлой жизни, будучи лучшим учеником, он привык сохранять концентрацию при любых обстоятельствах. Сейчас он мысленно анализировал базовую логику этого мира.

Духовные корни... звучит как параметр таланта. Одиночный корень — отличник, множественные — узкопрофильные специалисты, а смешанные — двоечники? Значит, техники совершенствования — это программы для оптимизации и использования данных параметров?

Он привычно препарировал эту чуждую сверхъестественную систему с помощью естественнонаучного мышления.

— Следующий, город Цинъюнь, Линь Сяо!

Равнодушный голос распорядителя секты звучал с едва уловимым презрением. Очевидно, таких блатных он видел немало: большинство приходили лишь для галочки, чтобы потом с позором вернуться домой и продолжать жить жизнью богатых смертных.

Все взгляды сфокусировались на нем, предвкушая комедию. Каждому хотелось увидеть, какой жалкий результат покажет этот повеса.

Линь Сяо глубоко вздохнул и спокойно вышел вперед. Он унаследовал память прежнего владельца, но не его спесь и глупость. Его взгляд был ясным и холодным, шаги — уверенными, что заставило старейшин на помосте слегка приподнять брови. Характер этого юноши, казалось, не соответствовал слухам.

В центре площади возвышалась огромная черная стела, покрытая загадочными рунами — камень проверки духовных корней.

Линь Сяо по инструкции слегка коснулся ледяной поверхности.

В тот же миг стела вздрогнула!

Сначала вспыхнул мягкий аквамариновый свет, чистый, без единой примеси!

— Одиночный корень! Это же водный одиночный корень! — воскликнул кто-то. Одиночный корень — это талант, встречающийся один на десять тысяч!

Но изменения только начинались.

Голубое сияние внезапно стало холодным и острым! Цвет стремительно сменился на ледяную белизну! Пронизывающий холод, исходящий от стелы, заставил стоявших рядом учеников вздрогнуть.

— Гу-у-у!

Стела издала чистый гул, и белый свет, подобно ледяному столбу, устремился в небо, соединяя

землю и высь! На поверхности камня начал оседать тонкий иней!

— Мутация! Мутация водного корня! Это... редчайший ледяной корень, не встречавшийся тысячелетия! — старейшина, до этого сохранявший ледяное спокойствие, резко вскочил, его лицо выражало шок и восторг!

На площади воцарилась гробовая тишина.

Все ошеломленно смотрели на хрупкого юношу, стоящего перед стелой, который вызвал такое природное явление.

Ледяной корень — это вершина таланта, сочетающая в себе мощную атаку, защиту и решительность в бою!

В этой тишине Линь Сяо медленно убрал руку, ощущая внутри новую, послушную ему ледяную силу. Он машинально поправил переносицу — там не было очков, к которым он привык в прошлой жизни.

Встречая взгляды, полные потрясения, благоговения и неверия, он прошептал так тихо, что слышал только сам, свою фирменную ироничную фразу:

— Ну надо же, вместо того чтобы по квоте поступить в лучший вуз, я теперь зачислен в элиту секты. Этот чит... пожалуй, слишком жирный.

И все же он отчетливо помнил: в момент проверки баллов перед перемещением экран компьютера на мгновение мигнул, пропустив сквозь себя поток странных, похожих на руны символов, которые он тогда принял за помехи...

Может ли быть между этим какая-то связь?

Его путь совершенствования, похоже, с самого начала пошел не по сценарию.

Глава 2. Никчемный и отброс

Секта Тайсюань, внешние врата, сектор разнорабочих.

Воздух пропитан запахом низкосортных трав и пыли. В отличие от триумфа на площади несколько дней назад, сейчас Линь Сяо стоял перед рядом низких, ветхих лачуг, едва заметно нахмурившись.

Мутировавший ледяной корень взбудоражил верхушку секты, но создал и проблемы. Старейшины едва не подрались за право стать его наставником, и в итоге глава секты распорядился: до официального принятия в ученики Линь Сяо должен полмесяца провести во внешнем секторе, чтобы закалить характер.

Так любимца судьбы бросили в этот гадюшник. Назвали это закалкой, а на деле — просто буферная зона для борьбы интересов разных фракций. Линь Сяо прекрасно это понимал и с холодной логикой оценил плюсы: на время покинуть эпицентр интриг и в тишине изучить этот мир — не такая уж плохая сделка.

Комната, которая ему досталась, была самой захолустной и убогой. Ученик-разнорабочий, проводивший его, бросил на прощание: Живи как знаешь, — и поспешно удалился, глядя на

него с жалостью и злорадством.

Линь Сяо толкнул скрипучую деревянную дверь, с которой тут же посыпалась пыль. Внутри было темно, стояли лишь жесткая кровать да покосившийся стол. А в углу свернулась чья-то фигура.

Человек был одет в серые лохмотья, еще более рваные, чем у работника секты, весь в крови, дыхание его было слабым, как пламя свечи на ветру. На вид он был юн, лицо скрывали спутанные волосы и пятна крови, но четкая линия подбородка выдавала жесткий, почти свирепый характер.

Больше всего Линь Сяо насторожили глаза.

В тот момент, когда он вошел, незнакомец распахнул их. В этом взгляде не было страха, мольбы или боли, свойственных сломленному юноше. Лишь бездонная, ледяная чернота, полная мертвой тишины человека, прошедшего через реки крови. Он смотрел, как раненый зверь, оценивающий угрозу от вторженца.

Это был не просто обычный ученик с уничтоженным корнем. Интуиция Линь Сяо — или, если хотите, проницательность лучшего ученика — забила тревогу.

В ту же секунду в его сознании всплыл фрагмент памяти Линь Сяо:

Влиятельная старуха из свиты жены главы секты, с презрением указывая на избиваемого юношу, говорила оригиналу: Видишь, молодой господин? Это ублюдок, которого глава секты прижил с какой-то девкой в молодости, зовут Гу Вэй. Был у него неплохой древесный корень, да вот беда — жена главы проявила доброту и оставила его в живых, лишь уничтожив основу. Встретишь его — обходи стороной, от него одни неприятности!

Гу Вэй. Внебрачный сын главы. Уничтоженный корень.

Информация сошлась.

Линь Сяо сохранял внешнее спокойствие, пока мозг лихорадочно работал. Внебрачный сын главы, которого жена главы лишила корня и бросила гнить в свинарнике... Здесь все слишком запутанно. По логике, ему следовало бы развернуться и уйти.

Но эти глаза...

Они напоминали ему его собственный взгляд в лаборатории, когда он сталкивался с неразрешимыми задачами и не хотел подчиняться судьбе. Только отчаяния и ярости в них было в тысячи раз больше.

В этот момент раздался холодный хриплый голос, прервавший тишину и точно ударивший по положению Линь Сяо:

— Гений с ледяным корнем? — голос Гу Вэя звучал надтреснуто, но был острым, как нож. — Сослан сюда... Похоже, тех, кто хочет твоей смерти, немало.

Линь Сяо вздрогнул. Тот знает его? И с ходу раскусил, что за фасадным блеском скрывается опасность. Такая проницательность — не редкость.

Он не ответил, а перешел в контратаку, используя манеру избалованного повесы:

— О? И ты тоже хочешь моей смерти, отброс?

На слове отброс он сделал акцент, проверяя границы дозволенного.

Зрачки Гу Вэя сузились, аура вокруг него стала опасной. Он уставился на Линь Сяо, растянув губы в слабой, холодной усмешке, в которой смешались насмешка и жестокое понимание:

— Мы сейчас оба — один мешает другим как гений, другой как мусор. Выживать и так трудно, зачем... тратить силы на внутреннюю грызню?

Его слова были отрывистыми, но как скальпель вскрыли суть: они оба — пешки в борьбе за власть в секте Тайсюань, оба — бельма на глазу у сильных мира сего.

Линь Сяо помолчал. Он подошел к своей жесткой кровати, небрежно смахнул пыль. Затем, используя капельку ледяной энергии, достал из-за пазухи пузырек с лекарством низшего сорта, которое предназначалось ему самому, и кинул его в угол к Гу Вэю.

Пузырек прочертил дугу и упал на сено рядом с Гу Вэем.

— Ты прав, — голос Линь Сяо стал спокойным, с присущей ему рассудительностью и прагматизмом. — Прежде чем выяснять, кто хочет нас убрать, нам действительно не стоит становиться врагами.

Он помолчал, глядя в бездонные глаза Гу Вэя, и добавил, словно формулируя вывод эксперимента:

— Это лекарство — моя первая инвестиция в тебя. Я ценю не твой статус сына главы — он бесполезен. Я ценю ту ценность, которую ты показал в своих словах.

Взаимная осторожность, взаимный расчет. Его жест с лекарством — расчет: выживет ли эта пешка и какую информацию принесет? Принятие лекарства Гу Вэем — тоже расчет: ему нужен любой ресурс, чтобы поддержать душу, горящую пламенем мести.

Но они оба знали: хрупкий союз, основанный на интересах, в эту минуту, в грязной каморке, был заключен.

Гу Вэй долго смотрел на пузырек, прежде чем взять его в руки. Он не поблагодарил, просто закрыл глаза, будто этот разговор отнял у него последние силы.

Линь Сяо тоже отвел взгляд и принялся обустраивать свою кровать.

В полумраке встретились две души, полные скрытых планов и борющиеся в трясине судьбы. Один — с холодным разумом современной науки и высшим талантом, другой — с кровавой памятью из ада и жгучей ненавистью.

Их путь только начинался.